

М. А. Проскурова

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина

**Фантастическое и комическое
как доминантные структурные элементы
новеллистики Пьера Буля**

Проскурова М. О. Фантастичне та комічне як доміантні структурні елементи новелістики П'єра Буля. У статті вперше у вітчизняному літературознавстві розглядаються структурні елементи новелістики П'єра Буля, яка є важливою частиною його творчості. На основі аналізу збірки новел «Сказки абсурда» робиться висновок, що фантастичне у формі наукової фантастики в поєднанні з комічним формує специфіку оповідної манери письменника.

Ключові слова: П'єр Буль, фантастичне, наукова фантастика, комічне, композиція, парадокс.

Проскурова М. А. Фантастическое и комическое как доминантные структурные элементы новеллистики Пьера Буля. В статье впервые в отечественном литературоведении рассматриваются структурные элементы новеллистики Пьера Буля, которая является важной составной частью его творчества. На основе анализа сборника новелл «Сказки абсурда» делается вывод о том, что фантастическое в форме научной фантастики в соединении с комическим формирует специфику повествовательной манеры писателя.

Ключевые слова: Пьер Буль, фантастическое, научная фантастика, комическое, композиция, парадокс.

Proskurova M. A. Fantastic and comic elements as the main part of Pier Boule's novels structure. This is the first article of native literary studies dedicated to structured features of Pier Boule's novels as they are an important part of his works. Fantastic in the form of science fiction joined by comic elements forms specificity of the writer's narrative style. This conclusion is based on the analysis of the collected book «Contes de l'absurde».

Key words: Pierre Boule, Fantastic, Science fiction, Comic, Composition, Paradox.

Новеллистическое наследие Пьера Буля является одной из самых ярких и самобытных страниц французской новеллы XX века. Оно представлено несколькими сборниками писателя, опубликованными в 50-70-е годы прошлого века: «Сказки абсурда» («Contes de l'absurde», 1953) [5], «E=mc²», (1957) [7], «Histoires charitables», 1965, «Милосердные истории» («Histoires charitables», 1965), «Потому что абсурдно», («Quia absurdum», 1970) [8], «Коварные истории» («Histoires perfides», 1976) [9]. Общее количество созданных автором новелл немногим более тридцати, хотя некоторые из них при публикациях обозначаются как сказки (contes), рассказы (récits) или истории (histoires).

К сожалению, новеллика П. Буля практически не исследована ни в зарубежном, ни в отечественном литературоведении, да к тому же и малоизвестна, поскольку всего лишь несколько новелл писателя переведены на русский язык, в частности «Чудо», «Идеальный робот», «Когда не вышло у змея»,

«Бесконечная ночь» и рассказ-памфлет «История одного добропорядочного писателя». Что же касается вообще исследований творчества писателя в отечественном литературоведении, то можно указать лишь на работы А. Д. Михилева [1,2]. Французская же критика мало уделила внимания и его романам (в общей сложности более двадцати романов), и его новеллам.

Так, в изданной в 2001 году книге П. Буля «Сказки и истории будущего», предназначенной для изучения в высших учебных заведениях, один из исследователей его творчества К. Азиза называет всего лишь три работы, имеющиеся во французском литературоведении на сегодняшний день: Р. Руа [14], Ж. Пюдловски [13] и Ж. Гуамард [12].

Но это обстоятельство, кстати, указал указал в свое время Ж. Пюдловски, который в статье «Помните ли вы Пьера Буля» (1981) с горечью писал: «Прославляемый во всем мире как классик философской сказки, автор «Моста через реку Квай» и «Планеты обезь-

ян» абсолютно неизвестен в своей собственной стране» [13:38]. Оригинальность таланта и художественное мастерство П. Буля-новеллиста отметил и известный специалист по научно-фантастической литературе П. Версен, заявивший, что «двумя своими новеллами (речь шла о новеллах «Любовь и сила тяготения» и «Бесконечная ночь». – *М. П.*) он заслуживает того, чтобы войти в историю» [15:125].

И тем не менее, составители истории французской литературы и словарей современных писателей, за редким исключением, не упоминают в них Пьера Буля. Одним из таких исключений является «Живая история сегодняшней литературы» П. де Буадефра, в которой он высоко оценивает Пьера Буля как писателя, который дает нам новый тип фантастики [11:611] и который микроскопическим наблюдениям, характерным для модернистско-авангардистской литературы, предпочитает телескопическое видение, общее и вселенское о человеке и его эволюции. Как и ряд других писателей (Труая, Базен, Кабанис, Моруа, Кюртис), он изображает современную цивилизацию не как нечто застывшее и стабильное на уровне отдельной человеческой личности, но как живой организм, подвергаемый ударам научно-технологического прогресса и способный погибнуть.

А. Д. Михилёв в своей монографии «Французская сатира второй половины XX века: социально-идеологический аспект и поэтика», говоря о П. Буле как о «непревзойденном мастере парадоксов в современной французской литературе» [2:184], отмечает и «неповторимый «булевский» колорит» [2:139], который заключается в органическом сочетании сатирико-юмористического начала и смелого вымысла, граничащего с научной фантастикой. Это глубоко верное наблюдение имеет отношение, с нашей точки зрения, не только к романам писателя, но в не меньшей мере и к его новеллам.

В самом деле, даже при беглом взгляде на его новеллистическое творчество бросается в глаза яркая фантастичность представленных в новеллах событий, которые чаще всего подаются в форме научно-фантастического вымысла, что и натолкнуло первых критиков безоговорочно отнести П. Буля к линии научно-фантастической литературы [2:131, 147]. Однако, как верно заметил А. Д. Михилёв, ссылаясь на сатирико-юмористический модус творчества П. Буля и на заявление самого писателя о том, что основной темой его размышлений является тема относительности добра и зла, «справедливее будет отне-

сти его творчество к вольтеровской традиции философско-сатирического романа» [2:132].

В полной мере это относится и к новеллам писателя, в которых фантастическое и комическое предстают в своеобразном сгущении, что стало отличительной чертой всего его новеллистического творчества. Так уже само название первого сборника «Сказки абсурда» недвусмысленно говорило о содержательно-смысловой интенции авторского замысла. И действительно, в основе всех пяти новелл этого собрания лежит необычайно оригинальный вымысел, завуалированный под научную фантастику. Как мы уже отметили, новеллой «Бесконечная ночь», по мнению П. Версена, П. Буль заслуживал того чтобы войти в историю литературы, потому что она, будучи историей путешествия во времени, по смелости и изобретательности вымысла «способна сделать безнадежно устаревшей любую историю путешествия во времени» [15:125].

Научно фантастический покров лежит и на новелле «Идеальный робот», в которой писатель виртуозно обыгрывает парадокс виртуальной возможности при создании идеального робота. Гениальный изобретатель и ведущий научный сотрудник КЭМ (Компания электронных мозгов) профессор Фонтен поражает окружающий мир и своих конкурентов созданием все более сложной электронно-вычислительной техники и доходит наконец до конструирования человекоподобных роботов (напомним, что в середине XX века человекоподобные роботы были еще достоянием научно-фантастической литературы. – *М. П.*) С каждым его изобретением они становятся все более совершенными, но оппоненты профессора Фонтена из конкурирующих фирм упрекают его в том, что его работы еще очень далеки от человека. И даже когда ему удастся создать идеальных роботов- писателей, роботов мужского и женского пола, способных испытывать влечение друг к другу и даже воспроизводить себе подобных, его противники продолжают его упрекать в том, что его роботы- это всего лишь свидетельство разума человека, что чего-то неуловимо человеческого им все же не хватает. И, наконец, после длительных и напряженных поисков Фонтен представляет руководству своей компании идеального робота, абсолютно во всем похожего на человека, – робота, способного ошибаться и в силу этого обретающего артистизм и чувство юмора. Теперь робот-математик мог долго путаться в расчетах и многократно ошибаться, пока не

находил верное решение; робот шахматист проигрывал большую часть партий, а робот писатель мог выдавать такие немыслимые для него ранние фразы, как «жидкий баран летает в заостренном небе» или «белый баран ест телятину». Оппоненты Фонтена были посрамлены, а руководство компании единодушно выделило ему необходимые средства для производства идеальных роботов.

Если «идеальный робот» относится к забавным новеллам, написанным в тональности легкого юмора, добродушной насмешки над парадоксами человеческих замыслов, то новелла «Правление мудрецов» из этого же сборника несет в себе значительно более глубокий смысл – предупреждение о возможных катастрофических последствиях современных научно-технических открытий и их практического применения. В соответствии с присущей П. Булю повествовательной манерой, неизменными структурными элементами которой являются фантастический вымысел, завуалированный под научно-фантастическую проблематику, и комическое освещение сопряженных с рассказываемой историей событий, он перебрасывает рассказываемую историю в неопределенное будущее 20.. года, то есть по меньшей мере на 50 лет вперед, учитывая то, что новелла была опубликована в самом начале 1950-х годов. В этой новелле дан мир, в котором исчезли войны, религиозные и политические распри, но в котором тем не менее сохранились два сообщества, мирно сосуществующих, в основе которых лежит приверженность к одному из двух научных учений. Одна научная школа, именуемая себя «Корпускулярной» (*corpusculaire*) или же «Электронной» (*electro-niste*) считает, что любая вещь во вселенной состоит из маленьких элементов, именуемых электронами [5:141].

Возглавляет эту школу знаменитый ученый Партикюль (*Particule*), имя, несущее в оригинале комическую окраску-Частица.

Другую научную школу представляют «волновики» (*ondulistes*), разделяющие, в отличие от электронистов, «мысль о том, что основой мира является волна, и отвергающие электрон как иллюзию, возникшую в результате несовершенства наших чувств и измерительных приборов» [5:142]. Возглавляет ее не менее знаменитый ученый Армоник (*Armonique*). Каждая из этих школ имеет своих ярких сторонников, которые изошряются в насмешках над противоположным учением и которые соответственно «были известны как «Гранулированные» (фамильное прозвище «Элек-

тронистов») или «Колебательные» (популярное название «Волновиков» – подобно тому, как некогда человек был католиком, социалистом или американцем [7:142]. Все остальное население называлось «Сциентистами», словом, которое заменило старые понятия «субъект», «гражданин», «товарищ», то есть некоторой личности, затерянной в массе народа. У приверженцев каждой из научных школ были свои символы веры, популярно изложенные их вождями и комически представленные писателем [7:143, 144].

Устроенное таким образом мировое общество имело два Государственных Совета, хотя официально избирался только один на каждый год. Соперничество научных школ предопределило и странное, казалось бы, для высокоорганизованного социума наличие в нем двух классов коммерсантов, двух радиосетей и даже двух метрополитенов, каждым из которых пользовались представители одной научной школы. Кроме этой аномалии и постоянных обвинений друг друга в научной некомпетентности, ученые и одной, и другой школы неустанно работали на благо всего общества и использовали все свои открытия только в мирных целях.

В целом создается впечатление, что писатель живописует своего рода вариант прекрасной утопии, созданной благодаря правлению мудрецов – представителей науки. К этому склоняет и начало новеллы, поданное в оптимистическом ключе: «Мир наконец управлялся мудростью. После веков заблуждений разум и наука восторжествовали над древними химерами [7:141]. Однако в свете отдельных штрихов общего утопического сообщества, изображенных писателем с явной насмешливостью (соперничество научных школ, комически звучащие их названия и имена руководителей, упоминание о разных коммерческих сетях и метрополитенах для каждой из школ), восприятие читателя настраивается на критическое отношение к изображенной идиллии – и еще более настаивает на грандиозный замысел, осенявший Партикюля.

При очередном избрании на пост Председателя Государственного Совета он выступает с инициативой исправления природы. С целью установления на всей планете комфортной температуры он предлагает с помощью имеющейся в распоряжении ученых аппаратуры переместить излишнюю жару тропиков к полюсам и создать таким образом вечную весну. Одновременно к этой идее приходит в своем параллельном правительст-

ве и Армоник, который опирается на волновую теорию передачи тепла.

Получившая широкую огласку судьбоносная затея, развивающаяся в начале в соответствии с расчетами ученых, завершается планетарной катастрофой: достигнув запланированных плюс 20 градусов температура, вопреки расчетам ученых, продолжает расти (о чем руководителей проекта информируют доктор Акула и Дураков – явный комизм имен) и в конечном итоге достигает плюс 40° на полюсах и минус 30° на экваторе.

В результате столь дерзкого и грандиозного эксперимента по улучшению природы чудесные зеленые леса тропиков, населенные птицами и редкими животными, исчезли в течение нескольких часов, превратившись в обширные снежные пустыни, а ледяной хребет толщиной в несколько метров протянулся вдоль Экваториального пояса, разделив Землю на две изолированные полусферы.

Ледники же полярных зон быстро растаяли, и Арктику и Антарктику покрыла пышная растительность. Тюлени и пингвины не смогли порадоваться этой метаморфозе, ровно как и эскимосы, поскольку все вымерли в первые же дни, не вынеся непосильной для них жары и не сумев адаптироваться к новым условиям. Та же участь постигла африканских негров и население Тихого океана. Финал новеллы окрашен в трагически-саркастические тона: «Все погибли; одни от жары, другие от холода, и Земля избавилась от нескольких миллионов своих обитателей, впрочем, наименее интересных с научной точки зрения» [7:165].

Финалу предшествует иронический комментарий, который усиливает саркастическую концовку. В нем говорится, что ученые в целом оказались правы: эксперимент прошел «качественно» и «идея Партикуля оказалась верной, равно как и гениальная догадка Армоника. Им были возданы заслуженные почести, о чем свидетельствовали бесчисленные статуи, воздвигнутые в память о них» [7:164]. И далее: лишь вследствие несчастного совпадения этот результат «косвенно», следуя языку ученых, «не совпал с тем, который был предусмотрен. В действительности, он разительно отличался от него» [7:165].

Таким образом, финал новеллы предстает как явно контрастирующий с ее оптимистическим началом, создавая эффект композиционного и смыслового парадокса, заставляющий задуматься о возможных губительных последствиях научно-технических экспериментов. Фантастический замысел дает писателю широкий простор для перевода повествования в комический модус. Этот принцип лежит в основе практически всех новеллистических произведениях писателя, позволяя ему за счет создания парадоксальных ситуаций ставить широкий спектр актуальных для современной эпохи проблем, связанных как с научным прогрессом («E=mc²», «L'arme diabolique», «L'amour et la présenteur» и с нравственно-религиозной и политической сферой («Le miracle», «Quand le serpent échoua», «Le plombier», «Les lieux saints», «Les luniens», «Son dernier combat» и другие).

Литература

1. Михилев А. Д. Особенности поэтики сатирической прозы П. Буля /А. Д. Михилев // Проблемы метода и поэтики в зарубежных литературах XIX—XX веков : (История, динамика и национальная специфика) : межвуз. сб. науч. Тр. — Пермь, 1989. — С. 128—136.
2. Михилев А.Д. Французская сатира второй половины XX века. Социально-идеологический аспект и поэтика /А. Д. Михилев. — Харьков : Вища школа, 1989. — 184 с.
3. Современная художественная литература за рубежом. — М., 1978. — № 6. — С. 93—95.
4. Aziza C. Préface, notes et Cles de l'oeuvre / Claude Aziza // Pierre Boulle. Contes et histoires du futur. — P. : Julliard, 2001. — P. 7—15, 129—146 ; 223—310.
5. Boulle P. Contes de l'absurde / Pierre Boulle. — P. : Julliard, 2001. — 12 p
6. Boulle P. Contes et histoires du futur / Pierre Boulle. — P. : Julliard, 1978. — 188 p.
7. Boulle P. E=mc² / Pierre Boulle. — P. : Julliard, 1957. — 240 p.
8. Boulle P. Quia absurdum (Sur la Terre comme au Ciel) /Pierre Boulle. — P. : Julliard, 1970. — 214 p.
9. Boulle P. Histoires charitables. Nouvelles / Pierre Boulle. — P. : Julliard, 1976. — 223 p.
10. Boulle P. Histoires perfides. Nouvelles / Pierre Boulle. — P. : Julliard, 1976. — 223 p.
11. Boisdeffre P. de. Une histoire vivante de la littérature d'aujourd'hui / Pirre de Boisdeffre. — Septieme ed. — P. : Bordas, 1968. — 1103 p.
12. Giomard J. Préface de «Romans héroïques» (Omnibus, 1996) et Postfac de «Etrange planet» (Omnibus, 1998) / J. Gouanard. — P. : Omnibus, 1996, 1998.

13. Pudlowski J. Vous souvenez-vous de Pierre Boule? / Gilles Pudlowski // Les nouvelles littéraires. — P, 1981. — № 2775. — P. 38.

14. Roy P. Pierre Boule et son oeuvre / Paulette Roy. — P. : Julliard, 1970. — 172 p.

15. Versin P. Boule (Pierre)/Pierre Versin // Versin P. Encyclopédie de l'Utonie, des Voyages extraordinaires et de la Science-Fiction. — Lausanne : L'age d'homme, 1984. — P. 125—126.